

§ 11. В упомянутом выше докладе (см. § 1, стр. 196, прим. 2) было сказано, что ряд славянских говоров РНР представляет интерес благодаря сохранившимся в них архаизмам. Некоторых из этих архаизмов мы коснёмся ниже.

§ 12. Фонетические архаизмы обнаруживаются, в той или другой мере, в говорах всех славянских языков, на которых говорят славяне, проживающие в РНР. Остановимся на некоторых примерах.

В сербохорватском говоре Карашовы, помимо уже упомянутого архаизма *e* < *ě* (см. § 5), сохраняется и целый ряд других значительных архаических фонетизмов, на которые в свое время указал акад. Э. Петрович: сохранение *l*, не перешедшего в *u* (Petrović, *GC*, 84), несмотря на закономерность такого изменения в штокавских говорах Югославии (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, § 70, стр. 96, пункт 5; § 443, стр. 274); сохранение *l* в конце слова и слога, напр. *deběl* «толстый», ср. схр. *děbo*, *deběla* «crassus», «pinguis» (Rječnik, 326), *kālne svōle* «грязная одежда», ср. схр. *kālan*, *kāona* < **kaľnъ* «luteus» (Rječnik, IV, 765) Petrović, *GC*, 97; Ivić, *там же*, § 444). То же явление наблюдается и в говоре Свиницы: *стелна*, *телци*, *стол*, ср. схр. *stěona*, *teoци*, *stō* (ЖБВ, 2/1961, стр. 83) и Рекаша: *весел*, *бел*, ср. схр. *věseo*, *běo* (ЖБВ, 1/1962, стр. 84). Другие интересные фонетические архаизмы, отмеченные в говоре Карашовы: *t'* и *d'* вм. схр. *ć* и *d* (Petrović, *GC*, 102-104¹, *čr-* (Petrović, *GC*, 115) вм. шток. *cr-* (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, 97, пункт 10) и др.

Наличие в изолированных говорах одних архаизмов обычно является указанием на то, что там же сохраняются и другие реликты от предыдущих этапов развития языка. Так, например, в том же схр. говоре Свиницы, где, как было сказано, сохраняется *-l*, встречаем, как и в Карашове, *t'* и *d'*: *пет'* «печь», *мед'а* «межа» (ЖБВ, 2/1961, стр. 83), ср. схр. лит. *nēh*, *mēja*².

Болгарские говоры РНР вообще менее архаичны, чем только что упомянутые сербохорватские говоры. Все-таки фонетические архаизмы кое-где сохраняются и здесь. Так, например, в павликянском говоре Попешть-Леордень последовательно сохраняется гласный звук среднего ряда верхнего подъема, этимологически соответствующий древнеболгарскому **ѣ**. Как известно, в общеполгарском языке *y* (**ѣ**) > *i* ещё в начале среднеболгарского периода³. Ср. *быкъ* «бык», *сын* «сын», *скрый* «(я) скрыл», *рыбъ* «рыба» (Попешть-Леордень) и болг. лит. *бѣкът*, *син*, *скрих*, *рѣба*. В современных народных говорах Болгарии этот фонетический архаизм встречается редко, в смолянском и павликянском наречии (Стойков, *Бълг. диал.*, 84, 89). Следы старого **ѣ** кое-где замечены и в коларовградских говорах (Стойков, *там же*, 66).

¹ Ср. и И. ПОПОВИЋ, *Историја српскохрватског језика*, Нови Сад, 1955, стр. 78.

² См. и статью В. ВЕСКУ, *Fonetisme arhaice în graiurile sîrbocroate din Banat*, «Romanoslavica», VII (1963), стр. 195—202.

³ КИРИЛ МИРЧЕВ, *Историческа граматика на българския език*, София, 1958, стр. 118—119.